

Фарида Габдраупова

Родилась в Барнауле. Окончила филологический факультет АлтГУ. Автор шести поэтических сборников и книги прозы. Публиковалась в журналах «Алтай», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Казань» и др. Член Союза российских писателей. Живет в Барнауле.

ТСЕРА, ИЛИ ГИЛЫ КАМАМ¹

1

Солнце рано разбудило жителей дощато-серого двухэтажного барака, в народе прозванного гарнизоном. Теперь, к полудню, люди собирались по комнатам, расходились от дворовой скамьи серьезные, объединенные атмосферой весны и праздника. Утром они шли с портретами своих дедов к железнодорожной станции, где в прошлом году установили памятник летчикам, сваренный местным мастером-самоучкой, учителем истории. Три года монумент простоял во дворе, три года учитель добивался права вынести его туда, где в годы Великой Отечественной войны был сбит советский бомбардировщик. И когда тяжелую конструкцию все-таки вывезли, укрепили и торжественно открыли, мастер умер.

¹ Гилы камам (цыг.) — песня любви.

Но сегодня глава поселковой администрации, а также почетный житель (полковник в отставке) и местный батюшка, стоя у памятника, вспомнили и о покойном скульпторе в своей речи.

Этот скульптор передал мне историю любви.

2

*Едем, милая, со мной, со мной,
Стань, красавица, моей женой!
Вот садись-ка, место есть в седле —
Обвезу тебя по всей земле!*

Путь домой оказался сложнее, чем загадала Эйша, управляя лошастью с телегой. Дорога темно-синей волной убегала вдаль. Запыленные травы по ее краям замерли от жары, а измученное жаждой животное сопротивлялось тащить хомут.

— Откуда такая красивая? — Черноволосый парень, поравнявшись, похлопал едва плетущуюся лошадь по уставшей морде. — Напоить бы! Поехали к озеру. Я знаю дорогу.

— Ты ром? — спросила Эйша, спрыгнув с телеги.

— Я Ферка-пилот. Неужели не помнишь? Я был у вас дома. Твой отец продал нам молодую кобылу. Мы ее Камиллой назвали, — говорил попутчик, ловя взгляд девушки, прячущейся за гривой лошади.

— Помню... На тебе красная рубаха была.

Эйша смутилась, искоса зыркнула на парня любопытным глазом и потянула поводья.

— Ну, пошла!..

Так они молча шагали по теплой мягкой сизой пыли, ведя на пару кобылку с громыхавшей за ней телегой. Полные жизненных соков травы были похожи цветом на глаза юной цыганки, небо — на ее бирюзовую кофту, а черная земля с рыжеватым отливом — на ее кудри, сплетенные в длинные косы.

У озера Эйша и Ферка прогуляли до вечера. Отвязанная от телеги кобыла вольно паслась в цветущих травах, а молодые нашли

в кущах чистый родник, набрали воды и спелых ягод. Солнце в тот день долго стояло в зените и нехотя спускалось вниз.

— А ведь ты никогда не летала на самолете! — воскликнул Ферка. — Я обязательно покажу тебе облака — сверху!

3

Прощай-ка ты, любезная.

Прости, дорогая ты моя.

Если лучше найдёшь, про меня забудешь.

Если хуже найдёшь, про меня вспомнешь...

Не успела Эйша переехать в дом мужа, как вышло ей петь печальные песни, провожая Ферку в город — доучиваться на военного летчика. Заберут, увезут, спрячут молодого орла от юной жены. Не создан цыган воевать. Ему бы петь да плясать, пасти лошадей, целовать женщин, растить кучерявых цыганят, прославлять вольную жизнь.

Но эти цыгане были оседлые, с двадцатых годов жили они в тульских, орловских и тверских деревнях. Не смешивались с местными, держались особняком, но перенимали язык, веру и праздники. С осторожностью чужаков знакомились, торговали лошадьми, соседствовали, хаживали в гости, а вот выходить замуж или жениться на гаджо² — не одобрялось. Оберегали свои берега, сохраняли неписанный древний закон рода, у которого нет ни земли своей, ни государства, а вместо танков, пулеметов и бомб — скрипки, гитары, бубен да колода карт.

Мать Ферки слыла в округе повитухой, и всюду были нужны волшебные руки Макши-цыганки. В мороз, в пургу и распутицу, через неглубокие переправы рек, по оврагам добиралась ее лошадь в самые дальние хутора и поселки. Селяне называли ее ласково Машей. Ромы смотрели с подозрением, что служит

²Гаджо (цыг.) — не цыган.

гаджам за еду, что сына родила в тюрьме от невесть какого ба- сурманина. И замуж ни за кого не пошла — свободу любила. Но цыганские судьи гасили наветы завистников. Ведь была Макша для цыган на манер дипломата — матерью-заступни- цей. Оберегала неприкасаемость бедовых сородичей. Со сво- ими говорила на кэлдэраы, знала румынский, а по-русски и читать, и писать умела. «Учись, чавораалэ³! — говорила она сыну, отправляя в сельскую школу. — Где живем, там и родина, там и пригодимся».

Жадный цыганский ум Ферки впитывал знания, как растре- скавшаяся земля воду. С упорной прилежностью, зажав кончик языка зубами, выводил он буквы в прописях, чертил карандашом по линейке.

Так и поехал юноша-ром по совету историка Семёныча в го- род — учиться на летчика. Открывать мирные небеса.

4.

*Знал я и бога, и чёрта,
Был я и чёртом, и богом.
Спрячь за высоким забором девочку —
Выкраду вместе с забором!*

Солнце выдыхалось, гасло. Солнышко — за тучу, цыган — на войну.

— Дайори⁴! — крикнула Эйша, забегаая в дом. — Забирают на- шего Ферку. И я с ним пойду, хоть в землю, хоть в небо! Нет мне без него жизни!

И была Макша чернее тучи. Бросила ладони на лицо, шеп- тала что-то, молилась. Потом опомнилась, собралась и обняла невестку.

³ Чавораалэ (цыг.) — сынок.

⁴ Дайори (цыг.) — мама.

— Ай, чаюри⁵, в грозу мы вошли, в бурю. Не по собственной воле разомкнется земля, наестся и отрыгнет молодой кровью. Силой ее возьмут, грубой нечистой силой!.. Поезжай, дочка! Да возвращайся! Ой, будет, будет у тебя девочка...

По хлипкой осенней дороге неслась Эйша в телеге, подгоняя верную Камилу. Тяжелый ветер срывал черно-красную шаль, запускал холодные острые пальцы в растрепанные косы молодой румни⁶.

— Как же ты нашла меня, камлы Эйша? Чиргенори⁷! — спросил Ферка, держа ее руку, просунутую сквозь железную ограду.

— Нешто я, румни, своего ромало не найду? Сердцем шла, по зову твоему. Да если бы я встала на площади, да закричала лебедем, ты бы меня и тут услышал.

Перемахнул Ферка через ограду, и был у них всего-то украденный часок на пустыре — для прощания.

Люди, машины, телеги... Нагромождение станков, ящиков и коробок, приготовленных для отправки на восток. Какое всё лишнее, чуждое взгляду, мешающее видеть его, уходящего. Как пополам ее разрубили... «Не выпало жить с тобою, значит, умру в один день», — загадала Эйша.

5.

*Цыгане любят кони,
да кони не простые.
Цыгане любят кони,
да кони удалые.*

Nachthexen⁸. Так немцы называли девушек, неслышно залетающих к ним на легких крыльях. Неженские «гостинцы» несли

⁵ Чаюри (цыг.) — доченька.

⁶ Румни (цыг.) — цыганка, жена.

⁷ Чиргенори! (цыг.) — звездочка.

⁸ Nachthexen (нем.) — ночные ведьмы.

ночные красавицы. И быстро-быстро, как наваждение, исчезали, оставив разбитые рельсы, раскуроченные мосты и черный огонь салютирующих складов. Не шáли на них — а шлемы и широкий ремень под грудью.

Соседская Надька, бойкая рыжеволосая активистка аэроклуба, хохотушка и затейница, как раз собиралась записаться в этот особый полк — войско крылатых гурий. Надежда! Выпала она цыганке как судьба, как бубновая дама. На том же вокзале, где разлучилась она с любимым мужем. А потом Эйша везла в телеге попутчицу Надежду, ехавшую на денек в родное село проститься с отцом-матерью. Везла подругу с умыслом. «Вортака, пхрэн!⁹ Возьми меня с собой, я смышленая».

Так и случилась у Эйши дорожка дальняя в Москву, потом на юг — учиться на летчицу. Макша же не ушла с другими цыганами на восток, осталась ждать своих детей. Враг уже подступал к городу, к тому месту на карте, откуда Ферка уехал на войну, а разобранные заводы, фабрики, машины, люди — со скарбом, лошадьми, коровами, птицами своим ходом, пешком и на телегах, в вагонах поездов — пытались спастись от наползающей чужеродной силы.

6.

— Едут! Едут! — кричали мальчишки, возвещая то, чего давно ждал весь гарнизон-барак. Из-за поворота выехал по-цыгански приметный красный «Порше-Кайен», везущий большую семью. Машина неспешно вплыла в расступившуюся толпу жителей гарнизона. Молодой цыган, худенький чернявый живчик, энергично выскочив из водительской двери и обежав машину спереди, услужливо подал руку пожилой полноватой женщине.

— Тсера! — сказали в толпе. — Тсера приехала!

⁹Вортака, пхрэн (цыг.) — подруга, сестра.

*Осень уж кончается,
Зима начинается,
Все снега повытали,
Да нэ-нэ...
Тропы все засыпали...*

Всю осень Эйша училась летать, а после ее назначили работать поваром.

Эйша прилежно осваивала всё, что могло приблизить ее к своему рому и ко времени, когда они снова будут жить в просторном светлом мире, в маленьком доме у деревенского пруда в средней полосе России. Там, где теперь — кровавые листья, октябрь и нацистские танки.

«Ну, пошла!» — говорила она по привычке, заводя мотор. И не было никого задорней и веселее в девичьем полку. «Эйша, цыганочку!» — просили девчата и вместе с ней выходили в круг, прищелкивая пальцами, откинув назад кудри, мелко встряхивая плечами. Ноги их выделывали кренделя, с жаром вбивая в землю осеннюю полевою траву учебного аэродрома. Помнила Эйша и слезы свои, когда ее подружки-вортачки разбивались, как ласточки о скалу, во время полетов.

Судьба же самой Эйши была неясной. В ее чреве уже разрасталась новая жизнь. К лету, когда обученные девочки раскрутят пропеллеры, поднимут в небо боевые ступы и полетят в настоящий бой, на утренней заре она родит цыганочку.

— Ну и куда ты теперь, с дитем-то? Боевая единица. Учили тебя, учили! Хороший пилот из тебя бы вышел, — сетовала командир полка, крупная, по-мальчишески резковатая женщина. — Спишем мы тебя! Тут останешься. А нам улетать надо.

— Запишите меня в смешанный полк. Буду я летать, буду! До осени останусь, тут тоже цыгане живут. Своих не бросят. Им и отдам девочку. — И, чуть помолчав, добавила: — Потом заберею, или Макша найдет.

8.

Из яркой цыганской «повозки» вышли еще двое. Солидный мужчина средних лет выгружал из багажника пакеты, коробки с едой и передавал в руки красивой, одетой в золотое платье молодой шувани¹⁰. Бабушка с первого этажа принесла старинную скатерть с кистями, похожую на цыганскую шаль, мужики, женщины и дети расставляли посуду, раскладывали провиант — готовили поминальный стол.

Когда в атмосфере единодушия выпивали по первой чарке, Тсера отлучилась. Вынула из машины большой букет, и вся цыганская семья направилась за ней на задний двор барака, где цвела густая майская яблоня.

9.

*Там цыгане соберутся, снова струны зазвучат,
Снова песни их зальются, снова бубны зазвонят!*

Лучшее время своей любви Эйша и Ферка провели в гарнизоне, под Москвой, весной и летом сорок третьего года, когда выбивали немцев с родной земли. И были они вместе — на земле и на небе.

— Как ты нашел меня, Ферка-ило¹¹? — спросила Эйша, когда он приехал за ней в сельский дом цыганки Бришинды.

— Нешто я, ром, не найду свою румни! Да если б я был орлом, то с неба разглядел бы вас, миро камам¹²! — сказал Ферка. А в маленькой дочери узнал свои умные сливово-черные глаза и пышные кудри.

В эскадрилье их называли «ром-и-румни»¹³ или парой орлов.

¹⁰ Шувани (цыг.) — ведьма, колдунья.

¹¹ Ило (цыг.) — душа.

¹² Миро камам (цыг.) — моя любовь.

¹³ Ром-и-румни (цыг.) — муж и жена.

В то летнее утро Ферка и Эйша летели с аэродрома Солнцево, чтобы уничтожить оружейные склады немцев, расположенных на улицах областного города. И никогда еще солнце, провожавшее их на юг, к Орлу, не было таким большим и жарким. И скрывали родные орловские облака их железного коня от фашистских пуль и снарядов. Другого прикрытия у них не было.

— Эх, раз-дану-данай, давайте, граи¹⁴, скачите к яру! — кричал Ферка, отпуская бомбы из отсека. — Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!..

— Сдохни, бенг рогэнса¹⁵! — вторила ему Эйша из кабины стрелка-радиста, силой цыганского проклятия отбиваясь из пулемета от преследовавшего их фрица. Стреляла, едва успевая вытирать слезы рукавом гимнастерки и отдувая кудри с лица.

...Последнее, что успели они сделать — сказать друг другу сквозь гул падающей машины: «Мэ тут камам»¹⁶. Так и упал их железный конь у поселковой железнодорожной станции.

Молодой цыган Ферка открыл перед мами¹⁷ ворота могильной оградки. Тсера зашла внутрь, отложила красный букет в сторону, отыскала рукой вкопанную в землю вазу, вынула прошлогодний мусор, попросила принести воды. Кувшин подала Эйша-колдунья, тоненькая чернявая внучка. И стояла она молча, заслуженный врач России Тсера Ферковна Воронцова, вспоминая спасенное добрыми людьми детство то в цыганских семьях, то в дорогах — в поездах, машинах и телегах, то в детском доме. И тот счастливый день, когда пришла за нею мами Макша. Как увидела ее,

¹⁴ Граи (цыг.) — кони.

¹⁵ Бенг рогэнса (цыг.) — черт рогатый.

¹⁶ Мэ тут камам (цыг.) — я тебя люблю.

¹⁷ Мами (цыг.) — бабушка.

как схватила, как прикусила ей детскую щечку, со слезами целуя. А потом гладила ее черные бровки и приговаривала: «Чавораалэ! Миро Ферка! Чаюри, тыхненько чай!»¹⁸

К могиле подходили жители поселка. Внучка играла на гитаре. Несколько местных парней наперегонки принесли табуреты и стулья, на которых усадили пожилых женщин. И внучка начала петь:

*Ай, да не вечерняя,
Не вечерняя ли-нэ заря.
Ай, заря, ай да зорька.
Зорька ли-нэ спотухала...*

Гарнизонцы, окружившие артистку цыганского театра, подпевали, вторя в такт давно знакомой песне. Дети, жуя шоколадные конфеты с орехами, смотрели озорно, пытаясь понять и перенять настроение взрослых.

На голос поющей матери из машины выпрыгнула проснувшаяся, нарядная, как куколка, маленькая Макша.

Тсера поставила в вазу красные розы и протерла краем своего платка фотографии Эйши и Ферки. В пышной бело-зеленой пене весенней яблони, растущей у самой могилы, пел невидимый соловей. День обещал быть солнечным, а год — урожайным.

¹⁸ Чавораалэ! Миро Ферка! Чаюри, тыхненько чай (цыг.) — Девчущечка! Мой Ферка! Дочка, маленькая девочка.